

Я и „Мойдодур“

Скажите, кто из вас в детстве не любил слушать сказки? А, ну конечно, очень-очень любила да и сейчас с удовольствием, правда, уже не слушаю, а сама читаю с удовольствием сказочных чудес.

Помню, на меня большое впечатление произвела книга Юрия Шановича Чуковского „Мойдодур“ в исполнении моей мамы. Я и сейчас могу закрыть глаза и погрузиться в то блаженное состояние, когда на сон уходящий в нашей семье мне и моему брату мама читала эту сказку. А читала она её мастерски, у неё получалось такое театральное представление. Вот в испуге слезливого тенью кричит покуда, вот с кровати бухнулась подушка и, подпрыгивая, шлеп-шлеп..., а вот страшным голосом говорит умывальник:

«Ах ты, гадкий, ах ты, уязный,

Нулытый нососенок!

Ты чернее трубочиста,

Помогишь на себя:

У тебя на шее вакса,

У тебя под носом клекса,

У тебя такие руки,

Что собьешь даже ботки,

Даже ботки, даже ботки

Собьешь от тебя.....”

Я не знала, что такое „вакса“. Старший брат тоже не знал. Нам казалось, что это что-то очень плохое, страшное. Мы долго не решались спросить у мамы, что это такое: такое сильное впечатление произвело на нас это слово. Сейчас это кажется смешным, а тогда в дошкольном детстве...

Слушая „Мойдодур“, я часто представляла себе один эпизод: отку-

важась дверь и превращаясь в... улитчальник. Вы можете вообразить себе такую картину? Я до сих пор могу нарисовать в своем сознании этого мальчишку-улитчальника, сказавшегося маме: суровым собинителем, от которого убьются и ботки, и ботинки, и книжки.

А затем я становилась участницей знаменитого бегства через по улице. Но я всегда почему-то представляла, что мальчик бегит по улице мимо родного города. Вот он мчит по улице Ленина, вот свернул на улицу Кривошеина... Я даже вижу знакомые дома, вывески. В моем воображении эта погоня всегда заканчивалась в парке Маршалково. Из шурда выходишь зынный кривошуд... а затем вым шуром в этом же водоеме стывали шуря. У Чукотского нынче не так. Но это было мое детское воображение.

Знаете, я очень боялась быть похожей на этого череха. Я всегда щадательно шывалась, чистила зубы, шичесывалась. Моем родителам не шуродилось шурать меня тем, что, если я буду похожа на шуря известного поэта, то ко мне обязательно придут Майдсдны.

Водня я пятниклассница. Водня я могу сказать, что сказка Кормя Шановича Чукотского очень влияла на мое поведение. Эта книга и ее шрой воспитывали меня, малышку, заставляли вести себя так, чтобы не задаваться вопросом:

Гитчило же

Все кривошуд

Завертилось,

Закружилась

И намечается комсом?

А совсем недавно я узнала, что с детства мною любимое шуродителю в 2018 году шайшур - ей исполнилось 95 лет. Вказываетея, у этой книги интересная история. В семье Чукотских родилась девочка, которую все домашние шаксво звали Мурькоя (Маша). Она не жотила шываться, каншудничала шаксвое шурю, и тогда шывалателю

преддверье ступаки:

Надо, надо улыбаться

По утрам и вечерам.

А нечистый пущоблистом

Стыд и урам, стыд и урам.

Моя мама говорит, что «Мойдодну» - истинно народная классика, на прочтении которой воспитывалось не одно поколение маленьких детей. Я же подтверждаю это утверждение своим жизненным опытом, пусть и маленьким: шимшические навыки закладываются в раннем детстве, и в столь хорошем деле далеко не последнюю роль играют художественная литература.

